

Артём Морс

другими словами

Артём Морс

Другими Словами

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Морс
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
М80

Художник серии: Сергей Труханов

А. Морс
М80 Другими словами. — М.: Воймега, 2014. — 40 с.

ISBN 978-5-7640-0150-0

Книга выпущена при поддержке
Министерства культуры и архивов Иркутской области,
а также ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь».

© А. Морс, текст, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

* * *

В провинции цветёт акация,
весёлый ужас на людей
наводит то деноминация
свободы, то масштаб нулей.
Берёшь из пачки подозрение,
глядишь — оно уж пыль и прах,
в субботу — осень, в воскресенье —
белым бело. На всех парах
стремится жизнь дойти до точки,
хромает время — тик да так.
Так и стихи — за строчкой строчка,
а не допишутся никак.

* * *

Поэтому болтать о родине не стоит...

А. Кобенков

О родине ни слова,
чего болтать о ней,
она придёт, и снова
скрипит входная дверь.

Она войдёт незримо
и сядет на кровать,
бесшумная, как рыба,
пронырлива, как тать.

Не скажет ни словечка,
сидит себе молчком,
родному человечку
в глаза глядит тайком.

Остров

1

север уходит вперёд
юг отступает прочь
запад с востоком расходятся
как будущее и прошлое
всех ожидает тёмная-тёмная ночь
всё что казалось большим
делается ничтожным

2

так человек один
так он един делим
так ему динь-дилинь
где-то звенит звоночек
вот он простой как есть
вот он благая весть
ни просчитать ни счесть
всех его оболочек

3

вроде бы всё зачем
всё почему-то для
множественность причин
поводов и вопросов
ну а потом затем
сети календаря
и никто ни один
не покидает остров

* * *

скорее всего я стану таким как я
хотел быть в детстве но не
космонавтом
несколько слов в кармане
маленькая семья
дружная как мы с вами
другими словами
я выйду из этой лжи
но не из грязи в князи
другими словами
просто хочется жить
другими словами

* * *

Слова бормочешь ли,
шатаясь праздно
вдоль берега реки,
или лежишь, бессонницей измучен,
как мы с тобой от сути далеки,
поэт, художник — это только случай,
который нам как божия роса,
который нам репейник в волосах.

Всему своё и каждому свой путь,
и что-то там про «неисповедимы»,
и мы пытались время обмануть,
пришла зима — мы вроде невредимы.

Что остаётся — только говорить,
пить чай, скучать
да молча слушать ветер,
курить, читать, по комнате бродить,
любить всё то, что есть на этом свете.

Короткая сказка

жили-были
в одной квартире
человек-дерево
человек-яблоко
и человек-змея
такая была семья

* * *

Как-то проснулся в пять,
думал о том, как жить,
как себя не терять,
как себя не забыть,
на остановке как
зонтик или ключи —
дома, я был дурак,
нет и сейчас причин
обратное говорить.

Вот переулок, ночь,
бродишь совсем один,
кажется, будет дождь,
переходящий в дым.
Родина — долгий плен,
и отсюда живым
не выбраться — Полифем
смотрит своим одним.
Делайся невидим.

Но освещает ночь
луна фонарём своим,
кажется, будет дождь.
Сам себе господин,
можешь пройти сквозь сон,
если знаешь пароль,
на остановке зонт,
в небе — морская соль,
Полифем невредим.

Стансы на приход осени

1

Лениво пиво пить, смотреть закат,
по набережной опустелой
гулять до универа и назад,
закуривая то и дело.

Тихонечко пьянеть себе и тут
найти слова, чтоб описать всё это:
асфальт холодный, тучи, неуют,
осенний ветер как бы с того света.

Продрогнуть и пойти домой,
осознавая, что простужен, —
невкусный, пополам с тоской,
горячий чай, вчерашний ужин.

2

Ржавеет яблоко, темнеет за окном,
тик-так секунды, тлеет сигарета,
грустит о чем-то Джаррет на весь дом,
комар кусает — так уходит лето.

Звонят друзья, но трубку не берёшь;
обдумывая значимость момента,
«мысль изреченная есть ложь» —
сомнамбулой цитируешь зачем-то.

Сквозит из форточки осенний холодок,
опять звонок, окурок тушишь нервно,
снимаешь трубку, говоришь: «Всё ок», —
хотя на самом деле всё прескверно.

3

Всё так — приходит ветер,
и в пустоте двора
проносятся, как дети,
пустые поезда.

Ныряют в ночь деревья,
и капает с небес,
пора отведать зелье
с приправами и без.

Пока уходит лето,
скрипит ночная дверь,
спроси её совета —
поверь или проверь.

Куда, в какую лужу
всё это приведёт,
кому всё это нужно,
сам чёрт не разберёт.

Промозглая дорога,
и город сам не свой
кукожится под богом
и осенью простой.

Окно

Внутри окна — большая тьма,
душа его — потёмки.
Заглянешь внутрь — ни хрена,
хоть глаз коли иголкой.

Но иногда там вдруг видна
иная перспектива —
как всмотришься: вот это да,
смотрите, как красиво.

Так чёрная вода черна,
пока ты не увидишь,
какая скрыта глубина,

какая рыба там видна,
какая там живёт страна,
какой таится Китеж.

Покров

А кто идти готов октябрьской равниной
по шаткому мосту
на дальний берег зимний
к великому посту?

Кто говорит: пустое естество,
случайный снег, напрасное виденье?
Нежданных туч твоих столпотворенье
так предсказуемо и так ново.

Своим чужое было воскресенье,
как чистый лист нетающий, лежит
свободное, не знающее лжи
нагое слово — будущее пенье.

Колыбельная

Это я — твой маленький мальчик,
я стою под твоим окном,
я потерян, как танин мячик,
и река мне теперь как дом.

Это, Господи, не ошибка,
это данность твоя и боль,
это жизнь моя — как открытка,
не отправленная тобой.

Наша Танечка плачет, плачет,
смотрит на реку и ревёт,
говорят, не утонет мячик,
но река его унесёт.

Это, Господи, не ошибка,
это совесть твоя и страх,
это жизнь моя — как открытка,
и ты держишь её в руках.

Ты отправишь меня в дорогу,
почтальон понесёт письмо,
потеряет, и слава богу,
я такое люблю кино.

Это, Господи, не ошибка,
это память твоя и твердь,
вот лежит на земле открытка —
адрес верный, а текста нет.

Трамвайный этюд

И вот она — земля
распахнута пред очи:
берёзы, тополя,
осины, много прочих
дерев растут, зане
другой не видят цели,
и росы на заре
ласкают их в купели.

Не множество — а тьма,
и листья неделимы,
а мой квадрат окна
их проезжает мимо.
Сказать ли, что и я
вот так в своём вагоне
расту, как тополя
в своей большой природе,

и множество имён,
чем дальше, — забываю,
в одном из трёх времён
как древо застываю.
Я обрасту корой
и листья разбросаю:
лирический герой
в полупустом трамвае.

* * *

Ты помнишь, мы были как будто ничейные дети,
играли в войнушку, курили втихушку за домом,
любили сладкое и не боялись смерти,
дружили и жили по дворовым законам.

Потом всё это ушло, сменилась эпоха
и государственный строй, но нам
не до этого было — нам было плохо:
чаще с похмелья, реже — от сердечных ран.

Помнишь, мы не умели плакать при расставании,
сожалеть о потерях, жить не по лжи,
прошлое, наше прошлое смотрит угрюмым Каином,
Авеля в настоящем оставляя на жизнь.

В сущности, мы остались всё те же дети —
только курим открыто, никого не таясь.
В сущности, я всё так же не опасаюсь смерти,
при том условии, что она не твоя.

* * *

Не будет слов, чтобы сказать зачем,
немного их, когда не знаешь, где ты,
и эти города, забытые совсем,
вдруг озаряются слепящим светом.

Я вижу улицу, уютную, как детство.
Туманным утром, августа прохладой
она наполнена и выгнулась, как кошка:
почти мурлычет, нет, почти урчит.

Мощёная булыжником, она
блестит рассветным солнцем,
птахи,
проснувшись, прогоняют тишину,
несмелой трелью сверлят двери в утро.

Дворники за кадром
метут рутину, а один поёт:
славься, отечество наше свободное,
дружбы народов надёжный оплот,
партия Ленина — сила народная
нас к торжеству коммунизма ведёт.

Я вижу улицу, спокойную, как небо,
как фотография, как небольшой фрагмент,
истории обрывок чёрно-белый.
Не будет слов, чтобы сказать зачем.

* * *

Вот идёт река,
ты говоришь «пока»,
я смотрю тебе вслед,
меркнет закатный свет,
вспыхивают фонари,
а на асфальте, смотри, —
тяжела и легка
тень мотылька.

* * *

Бывают дни свободные, без стен,
как перестук колес — зевота, скука,
дремотной тишины приятен плен,
воспоминаний караван пройдёт,
и самолёт зовёт тебя в полёт,
но вдруг очнёшься — от дверного стука.

Везде любовь — как хлеб или вино,
как в каждом доме нежность есть и небо,
горит в ночи неяркое окно,
меняются названья городов,
но всюду сохраняется любовь,
которая не просит хлеба.

Что будет здесь? Когда-нибудь и мы
покинем этот дом и станем старше,
переведём часы, уедем в Крым,
где наша жизнь войдёт в свои права.
Любовь — слова, как море и трава,
когда-нибудь всё это станет нашим.

* * *

Само в себе не существуя,
ни трат не зная, ни обид,
горит, как след от поцелуя,
тихонько что-то говорит.

Не облако, а полустанок,
не призрак, а упрямый взгляд,
воспоминанье — как подарок,
всё ждёт, когда ж его вручат.

Сорвёшь шуршащую обёртку,
заглянешь внутрь не дыша...
И вдруг найдёшь себя ребёнком
в зелёных джунглях камыша.

И жизнь летит, как приключенье,
полнометражное кино,
и ты летишь, как на качелях,
в слепое будущее, но...

Пусть говорят, что всё проходит,
но не исчезнет никогда
пустая музыка истории,
живая ржавая вода.

* * *

Телефонные номера
проступают из марева:
марьиванна, сергей петрович,
мама, отец, жена, сестра,
многие — случайные и неслучайные
люди, доходящие до отчаянья,
если вдруг телефон молчит:
абонент недоступен или находится — shshshit! —
вне вселенной сотовой связи...
Говорит, говорит, сам с собой говорит
и замолкает на полуфразе.

* * *

Мир тебе, человек терзающийся,
говорящий и заикающийся,
спотыкающийся и проч.,
с чем уйдёшь ты в спелую ночь.

Мы тебя отпоём или отмолчим,
и неважно, каким
способом или не способом ты умрёшь —
поле ты перейдёшь, реку переплывёшь,
руки раскинешь и воздух весь обоймёшь,
но ничего не найдёшь — не поймёшь.

Там, где ляжет твоя голова,
вырастет дерево,
в ногах — трава,
на месте сердца какая-нибудь чепуха
и муравьиная вместо души труха,
а по соседству со всем этим —
недвижимая тишина.

И тогда приснится тебе паук,
плащ супермена, салат-латук,
рыба анчоус и микки-мышь,
книга, патрон, виноград кишмиш,
снег-человек и семья-земля,
конь, и скелет произносит: я...
Некто распахивает пиджак,
море сворачивается, как наждак,

мир поедает себя и сам
голову ставит к своим ногам,
жизнь переносится как болезнь,
мать по рукам: ну-ка не лезь!

Всё вдруг приснится, разом, подряд,
вот это, дружок, и будет твой ад.
Ну, успокойся, тише, дурак,
возможно, всё будет совсем не так.

* * *

Не бывает молодильных яблок.
Не бывает ни познания, ни раздора.
Не бывает живой и мёртвой воды.
Спи — всего этого не бывает.
Не бывает страстей христовых,
не бывает ни ада, ни рая,
воскресения и купины.
И слов волшебных, и вина из воды,
и деда мороза, и бабы яги,
ни фей, ни эльфов, ни гномов,
ни говорящей рыбы, ни коварной змеи —
ничего этого не бывает.
Не бывает.
Но иногда —
бывает.

* * *

Е. Б.

ходишь с людьми ходишь
каждому что-то скажешь
с каждым поговоришь
так и время проходит
даже время проходит
земля тебя поцелует
вот ты и замолчишь

ты говоришь не знаю
многое неизвестно
станет собой пустыня
лес породит туман
клады свои не сыщешь
золота не обнимешь
только грибы и рыбы
лягут к твоим ногам

корень растёт и плачет
камень лежит и верит
воздух стоит и дышит
ходит вокруг вода
ты меня не узнаешь
время пройдёт неслышно
вот растёт земляника
вот растёт лебеда

Между собакой и волком

1

Кривая сумерек уткнулась в темноту.
И лес молчит задумчиво и страшно.
Луна мне говорит: я не приду.
Собака с волком спят обнявшись.

Нет ничего, что здесь могло бы быть.
Крадётся время там, по перелеску.
Ночь думает: настало время выть —
и в темноте натягивает леску.

Ты спотыкаешься и падаешь во тьму —
тебя уже не сыщут, не обрящут.
Не вспомнить имени, не сосчитать минут,
ты упакован в тихий тёмный ящик.

Так ночь голодная приходит за тобой.
Она тебя обнимет, не отпустит.
В неё нырнёшь, как в омут, — с головой
и растворись в слове «пусто».

2

Собака залает, и ветер возьмет её лай
и будет носить, как ребёнка, качая, качая...
Ну что ты зеваешь, давай просыпайся, встречай
ленивое утро своё на окраине мая.

Ленивое утро, ни кофе не хочется, ни
другой ерунды, начинающей каждое утро.
Грозы ещё не было в этом году, но смотри,
какая роса на траве — это слёзы как будто.

Мне хочется думать, что всё будет именно так
когда-нибудь с кем-нибудь, может, со мной или в детстве,
ребёнок заплачет, роса на траве — это знак
того, что весна на дворе, ну или где-нибудь по соседству.

Тост

Всем родившимся шестого июля
шлю свои поздравления.
Много таких людей,
но немногих я знаю лично.
Вот небольшой,
но довольно подробный список:
Юля, Наташа, Алексей, дочка подруги жены,
один мужчина, которого уже не помню, как звать,
ну и, конечно, я.
Давайте поднимем кто что:
бокалы, стаканы, кубки,
детские кружки, рюмки
и выпьем за наше здоровье,
за наше упрямое, трудное,
во многом неблагодарное
цветение на этой земле.
Нужно ли говорить,
что совесть наша чиста,
поступь легка, а мысли
удивительны и печальны?
Все мы: плохие, хорошие,
добрые, злые,
нужные и никчёмные,
добропорядочные и беспутные,
красивые и некрасивые,
старые и молодые —
все мы проснёмся на этой земле
и седьмого июля тоже.
И будем жить.

Поэт

Пете

Живёт один, соседствует с судьбой,
по вечерам идёт до магазина,
ни дать ни взять немой киногерой
какой-нибудь архаусной картины.

Что скажет зритель, в целом наплевать,
никто не заставлял смотреть на это:
вот, например, не прибрана кровать,
а вот остатки скудного обеда.

Но кто осудит скромного юнца
за несколько невымытых тарелок?
Взглянуть на профиль этого лица,
увидеть мысль и замысел творца,
чтоб осознать, насколько сам ты мелок.

Оглохший мрак, слепая пустота —
примерно здесь рождается вдохновенье,
и как обычно — с чистого листа
расходятся круги сопротивления.

Вот он бормочет строки, как мольбы,
но их слова мы разберём едва ли.
Нам кажется, что мы его нашли,
хотя на самом деле потеряли.

Старая книга

М. А.

Книга, купленная за 80 рублей,
хотя на обложке сказано «60 копеек»,
выпущенная в 1989 году
издательством «Современник»
(тогда мне было всего семь лет —
я тогда не знал, кто такой поэт,
и не знал, что сам назовусь поэтом),
найденная в заброшенном букинисте,
вынужденном переквалифицироваться из обычного книжного
(ибо уж лучше торговать стариной,
чем оскорблять любителей листать страницы
заоблачными ценами на какую-нибудь чепуху),
кто был твой хозяин, какие стихи из тебя любил
и почему отказался ради ничтожной суммы
(ведь на эти деньги почти ничего не купишь),
я увидел тебя в этом маленьком магазине,
полистал и подумал:
какой хороший автор, и так дешево, беру.

* * *

А. А.

Алексей Константинович запил.
Вот идёт он по улице в ночь,
из-за сорокаградусных капель
не желая себя превозмочь.
Вот идёт он по шумной столице,
деньги есть, а напитки — увы,
есть простое желанье напиться
на окраине скучной Москвы.
Чтобы снова пригрезилось море,
пристань, жирные чайки в волнах,
мало смысла в пустом разговоре,
много горечи в тусклых глазах.
Шорох гальки, с картавинкой в речи
говоренье задумчивых волн,
эта речь Иоанна Предтечи
успокоит хмельной его сон.
Вот идёт он, смиренный, под богом,
недоступный чужому уму,
и луна, как звезда над дорогой,
освещает дорогу ему.

Фотография

Р. М.

Мне восемь лет — я, кажется, пою,
и старый снимок это отражает.
В дурацком детском галстуке стою
на дне рожденья друга — он не знает
и я не знаю, как мы будем жить,
чего искать, с кем расставаться,
о чём мечтать, кого любить,
в какой толпе теряться.
Второго января у ёлки мы поём,
девятилетний Рома на баяне
играет песню, кажется, о том...
Не вспомню даже, что-то там играет.
А мы поём, мне восемь лет, и всё,
всё хорошо, на улице темнеет,
зима, гирлянда светится огнём,
и мы поём, кто как умеет.

Квартира

Мы долго жили в той небольшой квартире,
засиживались на кухне, курили, пили,
разговаривали о Бодлере, Сезанне, Сартре,
изредка играли в карты,
отсыпались потом до обеда
и на завтрак варили пельмени,
каждый грёбаный день варили и ели, ели,
вечером водка, какие-то там консервы,
килька в томате, шпроты,
пьяные разговоры и чёрствый хлеб,
больше других мог выпить человек по имени Глеб,
никто не работал, но деньги почему-то были,
приходили люди и сами всё приносили,
иногда кто-то плакал, но чаще всё же смеялись,
пели песни, обнимались и целовались,
женщины были красивы, парни воняли потом,
перегар никому не давал устроиться на работу,
был даже какой-то смысл в этом плаванье пьяного корабля,
праздник непослушания, лёгкость ли бытия,
потерянное поколение или пир во время чумы,
страх одиночества и боязнь тишины,
так проходили годы, а мы всё плыли и плыли...
Но потом мы съехали и обо всём забыли.

* * *

подумай о былом
и ничего не делай
болтай с набитым ртом
закидывайся белой
уоставившись в ТВ
спокойно деградируй
откупори себе
очередное пиво
не брейся не ходи
с утра по магазинам
ты царь живи один
всё прочее гонимо
живи без тормозов
покуда не наскучит
когда в конце концов
тебя угробит случай
и дух твой отлетит
и взор его несмелый
печально оглядит
безжизненное тело
пускай увидит он
песчаную дорогу
и море за углом
и небо слава богу

* * *

Это что ещё такое?
Вышло небо голубое
на прогулку надо мной,
смотрит весело и прямо
солнце жёлтое упрямо,
спрашивает: что с тобой?

А со мной как будто чудо
приключилось невпопад:
я пришёл из ниоткуда
и потом уйду назад.
Я уйду, а вы споёте
песню тихую во сне
о небесном самолёте
и прожорливой земле.

* * *

На тонком лезвии рассвета,
в метафизическом Крыму,
когда-нибудь я встречу лето
и не умру.

Пустынный пляж, полоска света,
сырой песок, шуршанье волн.
Переверни себя, планета,
that's all.

И море солонее пота
и утренних напрасных слёз
как хлынет из-за поворота,
и всё.

Глаза откроешь, и не спится.
Ворочаешься так и сяк.
Весь мир — как белая страница.
Вот так.

* * *

Как прав рассеянный прохожий,
что переходит за черту,
ночь наступает осторожно
ему на пятки. Как в бреду,
фонарный свет горит и гаснет,
то вспыхивает, то — молчком.
Ну посмотрите, как прекрасен
в ночном тумане старый дом.

Прохожий выйдет из тумана,
достанет ножик из кармана
и вскрыет горло сентябрю.
Свет вспыхнет,
ночь качнётся пьяно
и скажет: я тебя люблю.

Содержание

«В провинции цветёт акация...»	3
«О родине ни слова...»	4
Остров	5
«скорее всего я стану таким как я...»	6
«Слова бормочешь ли...»	7
Короткая сказка	8
«Как-то проснулся в пять...»	9
Стансы на приход осени	10
Окно	12
Покров	13
Колыбельная	14
Трамвайный этюд	15
«Ты помнишь, мы были как будто ничейные дети...»	16
«Не будет слов, чтобы сказать зачем...»	17
«Вот идёт река...»	18
«Бывают дни свободные, без стен...»	19
«Само в себе не существуя...»	20
«Телефонные номера...»	21
«Мир тебе, человек терзающийся...»	22
«Не бывает молодых яблок...»	24
«ходишь с людьми ходишь...»	25
Между собакой и волком	26
Тост	28
Поэт	29
Старая книга	30
«Алексей Константинович запил...»	31
Фотография	32
Одноклассники	33
Квартира	34
«подумай о былом...»	35
«Это что ещё такое?..»	36
«На тонком лезвии рассвета...»	37
«Как прав рассеянный прохожий...»	38

Артём Морс. Другими словами

редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 23.12.2013.

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 2,5

Тираж 400 экз.

Речь Артёма Морса импульсивна, порывиста, но в ней присутствует и необходимая сдержанность, слова точны и весомы. Лирика и хроника, документальность и воображение, традиция и авангард, отголоски романтизма и весь осознанный, принимаемый таким, каков он есть, драматизм эпохи образуют в стихах Морса прочный сплав, синтез.

Владимир Алейников

Стихи Артёма Морса не натружены, не перегружены, написаны (так только кажется!) легко и естественно. Это стихи молодого поэта, которому дана врождённая грусть. То есть профессиональный недуг настоящего поэта. И проклятие, и дар.

Андрей Грицман

Это речь о растерянности и одинокости каждого из «детей сырой земли», как называет автор книги своих сверстников, окружает которых «оглохший мрак, слепая пустота». Лирический герой смотрит на происходящее отстранённо, стараясь при этом «любить всё то, что есть на свете».

Ирина Ермакова